

ЗА РАЗОРВАННЫМ УЗОРОМ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Павел Ерошин

За разорванным узором

«Автор»

2026

Ерошин П.

За разорванным узором / П. Ерошин — «Автор», 2026

Новоселье в старой петербургской квартире заканчивается исчезновением четырёх молодых людей. Старинный ковёр переносит их в мир русских сказок — и рвётся, отрезая путь домой. Здесь домовые заключают договоры, а лес отвечает стоном на сломанную ветку. Надежда на возвращение ведёт героев в Лукоморье, где ещё можно найти мастера, способного восстановить переход. Но сначала придётся пройти через чужой лес, разобраться в правилах местной магии и научиться действовать вместе, несмотря на обиды и недоверие. Первая книга цикла «За разорванным узором».

© Ерошин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Ерошин

За разорванным узором

Глава 1

– А вот и квартирка! – сказал Максим, подходя к обшарпанной двери на третьем этаже.
– Надеюсь, что она не такая убитая, как мне описывал отец.

– Нуууу, Ма-а-ась! Давай быстрее-е-ей, у меня сейчас руки отвалятся, – протянула Вика, поднимаясь следом, держа два больших пакета, в которых позвякивали бутылки.

– Да, момент. Дай насладиться. Не каждый день тебе подгоняют семикомнатную квартиру в центре Питера.

– Ма-а-ась!!! – крикнула Вика.

Максим заторопился, подбирая ключи. Найдя нужный, он вставил его в замочную скважину и провернул несколько раз. Ключ поддавался с трудом, как будто открывал большой амбарный замок. Распахнув со скрипом старую дверь, обитую кожзаменителем с рисунком в виде ромба, Макс сделал реверанс и сказал:

– Заходи, кошечка моя!

– Какая ещё кошечка? – фыркнула Вика. – Я сейчас больше похожа на нагруженную лошадь!

– Нуууу... ты мой котёнок, а кошек обычно первыми запускают в новый дом, – запинаясь пробормотал Макс, почесав затылок.

Вика немного смягчилась и, проходя мимо него, издала тихий звук, похожий на мяуканье. Максим, расплывшись в улыбке, зашёл следом. Перед молодыми людьми предстал длинный коридор, уходящий в темноту. Он был заставлен деревянными кадушками, окованными железом сундуками и каким-то старым домашним скарбом, давно утратившим своё предназначение.

Стены скрывали выцветшие обои. Местами они вздулись пузырями, местами свисали рваными лоскутами, обнажая почерневшую штукатурку. Поверх рисунка кто-то вывел углём или тёмной краской непонятные знаки и руны. Одни почти исчезли, другие выглядели так, словно их нанесли совсем недавно.

Слева, на стене, висели большие часы с маятником. Они продолжали размеренно отсчитывать время. Тик... так... тик... так... Этот звук был единственным живым в застывшей тишине коридора и почему-то казался громче любого крика.

– Ма-а-ась... мне здесь не нравится, – пролепетала Вика.

Максим с усилием стряхнул первое оцепенение и едва слышно прошептал:

– Так батя и правда не преувеличивал насчёт квартиры...

В тот же миг дверь за их спинами с оглушительным грохотом захлопнулась. Темнота мгновенно поглотила коридор, густая и вязкая, словно живая. Лишь мерное тиканье часов нарушало её неподвижность.

На ощупь найдя на стене ряд выключателей, Максим нажал один из них.

Под потолком вспыхнула лампа накаливания. Её тусклый жёлтый свет медленно растёкся по коридору, будто шаг за шагом отвоёвывая пространство у мрака. Теперь всё выглядело иначе. Кадушки, сундуки и старый домашний скарб уже не казались затаившимися силуэтами. Они вновь стали всего лишь старыми вещами, аккуратно расставленными вдоль стен. Даже маятник часов больше не отсчитывал секунды с угрожающей неумолимостью – его размеренное «тик-так» неожиданно успокаивало. А странные надписи почти растворились на пожелтевших обоях, превратившись в часть давно выцветшего узора.

– Ну... вроде уже не так страшно, – выдохнул Максим. – Я думал, будет хуже.

Вика опустила пакеты на пол и медленно пошла вдоль коридора, с любопытством разглядывая облезлые стены.

– Так откуда вообще у тебя эта квартира? – задумчиво спросила она.

– Да я же рассказывал. Батя занимается расселением коммуналок. Тут жила какая-то окончательно поехавшая старуха. Вообразила себя «Хранительницей сказок». Несла всякую дичь про дверь в сказку, леших и прочую ерунду. Батя быстренько оформил всё как надо: её – в психушку, квартиру – мне. Подарок на выпуск из универа.

Вика остановилась и с сомнением посмотрела на него.

– Серьёзно?

Максим усмехнулся.

– Да расслабься. Ей, наверное, лет сто было. Сегодня-завтра сама бы померла. Зато квартира не уйдёт каким-нибудь любителям халявы. Сделаем ремонт, и вместо этого музея получится... – Он осёкся. «Царские палаты». Странное выражение всплыло в голове само собой – чужое, неуместное. Максим нахмурился, но уже через секунду отмахнулся от этой мысли и догнал Вику.

– Слушай, пакеты только на кухню закинь. Скоро курьер с едой приедет, и ребята подтянутся.

Вика резко обернулась.

– Чего-о? Курьер? Тогда зачем я вообще тащила эти пакеты через полгорода?

– Затем, что курьеры, к сожалению, пока не возят хороший алкоголь, – невозмутимо ответил Максим. – Иначе я бы тебя вообще не напрягал.

Вика недовольно фыркнула: «Ну конечно. Бесплатная рабочая сила всегда под рукой».

Она демонстративно закатила глаза, подхватила пакеты и, громко цокая каблуками по разошедшемуся паркету, направилась вглубь квартиры.

Пока Вика возилась с пакетами, Максим толкнул ближайшую дверь. Комната встретила его запахом старой древесины, пыли, воска и высохших трав. Он щёлкнул выключателем. Под потолком вспыхнули несколько лампочек под матовыми стеклянными плафонами.

– Ничего себе... – невольно присвистнул Максим. – Вот это хоромы...

Комната оказалась неожиданно просторной – гораздо больше, чем могла быть, судя по размерам квартиры. На мгновение ему даже почудилось, что стены стоят дальше, чем должны. Потолок пересекали массивные потемневшие балки. Между ними висели пучки высушенных трав, связки чеснока, перевёрнутые метёлки полыни, венки из зверобоя и чабреца. На грубых кованых крюках покачивались старые медные светцы, небольшие колокольчики и вырезанные из дерева птицы с расправленными крыльями. Они едва заметно шевелились от сквозняка, будто наблюдали за незваными гостями.

Вдоль одной стены тянулись высокие дубовые шкафы со стеклянными дверцами. За мутным, местами волнистым стеклом покоились десятки, если не сотни самых разных вещей. Одни были вполне узнаваемы, назначение других угадывалось лишь приблизительно. Рядом с пожелтевшими книгами лежали резные деревянные идола величиной с ладонь, берестяные коробочки с выцветшими надписями, расписные прялки, старинные свистульки в виде птиц, глиняные обереги, железные ключи невероятных размеров, потемневшие серебряные кресты, куклы-мотанки без лиц, вышитые рушники с незнакомыми символами и маленькие мешочки, перевязанные красной нитью. На отдельных полках стояли стеклянные банки, внутри которых покоились засохшие травы, птичьи перья, странные белёсые камни и кости неизвестных животных.

Между предметами были расставлены десятки фотографий. На одной старик с невероятно длинной бородой пожимал руку охотникам возле туши огромного волка. Волк был слишком велик, чтобы быть обычным зверем. На другой молодая девушка в сарафане улыбалась в

объектив, а рядом с ней стояло нечто, закутанное в меха. Лицо существа оказалось смазанным, словно оно шевельнулось в тот самый миг, когда щёлкнул затвор фотоаппарата.

Чуть дальше висели рисунки, выполненные углём и акварелью. Лешие, водяные, полудницы, русалки с длинными спутанными волосами, огромные птицы с человеческими головами и создания, которых Максим никогда прежде не видел.

У противоположной стены стоял длинный диван с продавленными подушками и потёртыми деревянными подлокотниками. Над ним почти во всю стену висел огромный ковёр.

Максим невольно застыл.

Весь ковёр представлял собой бесконечное переплетение древнего орнамента. Среди красных, чёрных и золотистых узоров проступали фигуры людей, волков, медведей, птиц, огромных змеев, оленей с ветвистыми рогами и странных существ с человеческими лицами. Стоило задержать взгляд, как рисунок переставал быть просто узором. Ему показалось, что по тёмному лесу медленно идёт процессия людей с факелами. Где-то между деревьями бесшумно скользнул огромный волк. Над вершинами елей плавно расправила крылья гигантская птица. А в самой глубине орнамента кто-то высокий, укутанный в длинные одежды, медленно повернул голову и словно посмотрел прямо на него.

У Максима пересохло во рту. Что-то негромко звякнуло. Он вздрогнул и резко обернулся. С верхней полки шкафа на пол скатился маленький бронзовый колокольчик.

– Чёрт...

Максим несколько раз моргнул и снова посмотрел на ковёр. Теперь это был всего лишь старый, немного выцветший узор.

– Привидится же...

Он усмехнулся собственной впечатлительности и подошёл к шкафам. За стеклом взгляд сразу зацепился за небольшое серебристое блюдо, установленное на деревянной подставке. Рядом лежало высохшее, сморщенное яблоко. Где-то на самом дне памяти всплыла сказка, которую в детстве рассказывала няня.

«Катись, яблочко, по серебряному блюдечку...»

Кажется, в той сказке через блюдо можно было увидеть всё, что происходило далеко-далеко отсюда. Максим невольно улыбнулся.

– Вот же... чего только старики не собирают... – прошептал он.

– МАКС!!!

Голос Вики ударил по ушам так резко, что Максим вздрогнул и обернулся. В дверях стояла девушка. Телефон был зажат в руке, а на лице впервые за всё время читалось не раздражение, а самый настоящий испуг.

– Ты чего?.. – растерянно спросил Максим.

– Это я у тебя хочу спросить. Что с тобой?

– В смысле?

– Ты уже минут сорок здесь торчишь.

– Да брось. Минут пять, от силы. – Максим усмехнулся.

– Пять? Макс, я все пакеты разобрала. Потом минут десять сидела в телефоне – сеть, кстати, здесь вообще еле ловит. Потом два раза тебя позвала. Ты даже не обернулся.

Она шагнула в комнату, не сводя с него взгляда.

– Потом я зашла сюда... А ты стоишь посреди комнаты, смотришь на этот ковёр и что-то себе под нос бормочешь.

Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Бормотал?

– Ага. Какую-то тарабарщину. Я сначала подумала, ты прикалываешься.

– Да не мог я...

– Признавайся, – прищурилась Вика. – Опять у Витали грибы брал?

– Да ты чего? После того раза? Ни за что! – Максим возмущённо поднял руки.

– Точно?

– Клянусь.

– Чем?

– Ну... Машиной. – Максим замялся.

– Вот теперь почти поверила. – Вика недоверчиво хмыкнула.

Он нервно усмехнулся и ещё раз посмотрел на ковёр. Теперь это был просто старый ковёр. Выцветший, местами потёртый. Никакого движения. «Минут сорок...» В голове это никак не укладывалось.

– Ладно, – уже гораздо бодрее сказала Вика. – Пойдём. Я тебе такое покажу... Там кухня вообще отвал всего.

Она уже развернулась к выходу, но вдруг остановилась.

– И, Макс...

– Что?

– Если ещё раз зависнешь вот так... я тебе пощёчину отвешу. Для профилактики.

– Очень смешно.

– А я не шучу.

Она скрылась в коридоре, громко цокая каблуками по старому паркету. Максим ещё несколько секунд смотрел ей вслед, затем перевёл взгляд на ковёр. Тот молчал. И всё же, прежде чем выйти из комнаты, Максим поймал себя на мысли, что очень не хочет поворачиваться к нему спиной. Пересилив себя, он вышел из комнаты и пошёл за Викой.

Коридор словно изменился. Теперь, когда первый страх немного отступил, он уже не казался мрачным. Скорее... странным. Вдоль стен тянулись старые комоды и шкафчики, на которых соседствовали керосиновые лампы, бронзовые подсвечники и потемневшие деревянные сундуки. Между ними стояли большие кадки с засохшими деревьями, чьи переплетённые ветви образовывали причудливые силуэты.

На стенах висели десятки картин и фотографий в тяжёлых деревянных рамах. Вот молодой офицер в форме начала прошлого века улыбался, положив руку на плечо невероятно огромного медведя. Рядом несколько женщин в праздничных сарафанах позировали возле векового дуба, а за их спинами среди ветвей будто пряталось чьё-то лицо. Или это всего лишь игра света...

Дальше висела целая серия рисунков. Выполненные карандашом и акварелью, они изображали существ, которых Максим знал только по детским сказкам: леших, водяных, кикимор, русалок. Но выглядели они совсем не так, как в книжках. Старые. Уставшие.

Между картинами были прибиты резные деревянные маски. Одни улыбались, другие скалились, третьи будто наблюдали за каждым, кто проходил по коридору.

Под самым потолком тянулась длинная полка. На ней сидели десятки резных птиц, зверей и человечков.

– Макс! Ты идёшь там или экскурсию заказал? – донёсся с кухни голос Вики.

– Уже иду! – Он ускорил шаг и свернул за угол.

– Да ладно...

Вот чего он ожидал увидеть меньше всего, так это такой кухни. Она была огромной. Не просто большой – почти с половину квартиры. Посреди комнаты возвышался длинный дубовый стол человек на двадцать, весь испещрённый царапинами и следами ножей. Над ним висела тяжёлая кованая люстра, увешанная связками сушёных грибов, чеснока, красного перца, пучками ароматных трав и десятками медных половников. Вдоль стен тянулись открытые полки, заставленные глиняной и медной посудой самых невероятных форм. Одни кувшины были расписаны яркими птицами, другие – странными символами, похожими на те, что Максим уже видел в коридоре.

В дальнем углу белела огромная русская печь. Не декоративная. Настоящая. С широкой лежанкой, чугунными заслонками и закопчённым сводом. Рядом аккуратной горкой лежали дрова, словно печью пользовались ещё совсем недавно.

На длинных верёвках под потолком сушились яблоки, груши, грибы, пучки мяты, зверобоя, полыни и ещё каких-то незнакомых растений. Воздух был густым от запаха древесины, сухих трав, мёда и чего-то сладкого, едва уловимого.

Посреди кухни, уперев руки в бока, стояла сияющая Вика.

– Ну? Я же говорила – отвал всего!

– Это... кухня? – Максим медленно обвёл взглядом помещение.

– Ага.

– Да тут ресторан открыть можно...

– Или банкет для бояр закатить, – засмеялась Вика.

Максим снова посмотрел на печь.

– Слушай... а тебе не кажется...

– Что?

– Что эта кухня... больше всей квартиры?

Вика медленно обвела взглядом кухню. Провела ладонью по гладкой столешнице, заглянула в огромную русскую печь, потрогала тяжёлый чугунок, затем открыла один из шкафчиков, обнаружив внутри аккуратные стопки современной керамической посуды.

– Ну? – спросил Максим. – Ты у нас дизайнер. Что скажешь?

– Если честно... понятия не имею.

– В смысле?

– Это не деревенский стиль, не кантри, не лофт, не ретро... Тут вообще намешано всё подряд. Как будто бабушка прожила лет триста и каждую эпоху понемногу тащила к себе домой, – сказала она, пожав плечами.

– Звучит дорого, – усмехнулся Максим.

– Звучит странно, – поправила Вика. – Но, знаешь... мне даже нравится.

– Ну и отлично, – хлопнул в ладоши Максим. – Значит, ремонт пока откладывается. Давай лучше начнём отмечать, пока остальные не приехали.

Он вдруг задумался.

– Кстати... В первой комнате я видел хрустальные бокалы. Сейчас принесу.

– Только, пожалуйста, без фокусов, – тут же сказала Вика. – Не зависни опять перед ковром.

– Очень смешно.

– Я серьёзно.

– Да понял я, понял.

Максим быстрым шагом вышел в коридор. На этот раз он старательно не смотрел в сторону ковра. Зашёл, открыл стеклянную дверцу шкафа, взял два тяжёлых хрустальных бокала и почти бегом вернулся на кухню.

– Во! Видишь? Меньше минуты.

– Прогресс, – улыбнулась Вика.

Она забрала у него бокалы и подошла к мойке. Максим только сейчас обратил внимание, что рядом с огромной русской печью совершенно буднично стояла современная кухонная мебель. Хромированный смеситель поблёскивал под лампой, из крана с ровным шумом потекла вода.

– Слушай... – задумчиво произнёс он. – А я только сейчас понял...

– Что?

– Ну печь-то настоящая. – Он провёл ладонью по тёплой белёной кладке, затем перевёл взгляд на кухонный гарнитур.

– А рядом... обычная мойка. И водопровод есть... и холодильник. – Максим открыл высокий шкаф рядом.

Дверца мягко распахнулась. Внутри ровно горела лампочка. На полках стояли банки с вареньем, молоко, яйца, небольшая кастрюлька и аккуратно завернутый в полотенце круг сыра.

– Видишь? – усмехнулась Вика. – Все старики одинаковые.

– Не знаю... Я почему-то ожидал увидеть погреб.

Вика рассмеялась.

– Даже у «сказочной» бабки должна была быть нормальная кухня. 21-й век всё-таки.

– Да кто этих стариков поймёт, – пожал плечами Макс. – Значит, ещё не совсем из ума выжила, старая.

Вика тщательно ополоснула бокалы, поставила их на стол. Максим усмехнулся, взял со стола колонку и нажал кнопку питания.

– Сейчас будет правильная атмосфера.

Через секунду по кухне разлилась задорная мелодия старинной таверны: свист свирелей, дробь бубнов, весёлые скрипки и дружный мужской хор. Максим тут же схватил деревянную ложку и, словно кружку эля, поднял её над головой.

– Эй, трактирщик! Ещё кабанчика на вертеле! – Вика расхохоталась.

– И репу! Побольше репы!

– И медуухи! Бочонок!

Несколько минут они дурачились, изображая завсегдатаев средневековой таверны. Наконец Максим успокоился и переключил музыку.

– Всё. Пора возвращаться в двадцать первый век.

Следующая композиция ударила тяжёлым басом. Старый дубовый стол, огромная русская печь, связки сушёных трав под потолком и хрустальные бокалы соседствовали с пульсирующими электронными ритмами так нелепо, что оба снова невольно улыбнулись. Максим разлил виски по бокалам.

– Ну...

– За новоселье? – предложила Вика.

– За то, чтобы эта квартира приобрела нормальный вид, без вот этой вот деревенщины. Они чокнулись. Хрусталь мелодично звякнул. Максим сделал глоток и тут же скривился.

– Тёплый...

– Сам виноват. Надо было заранее лёд купить.

– Подожди. – Он снова открыл холодильник. – Может, хозяйка...

Максим осёкся. На верхней полке лежал пакет с замороженными свиными ушами. Рядом – аккуратно сложенные копытца.

– Эм...

– Что там? – спросила Вика.

– Ничего... – На лице Максима медленно расплзлась ехидная улыбка. Он осторожно достал из морозилки большое свиное копыто и спрятал его за спину.

– Макс...

– Что?

– Я слишком хорошо знаю этот взгляд.

– Какой взгляд?

– Дебильный.

– Неправда. – Он сделал шаг вперёд.

– Даже не думай...

– Бу! – Максим резко выставил вперёд ледяное копыто.

– А-А-А! Идиот! – Вика с визгом отскочила и, смеясь, побежала вокруг стола. – Убери эту гадость!

– Иди сюда! Поздоровайся с Пятачком!

– Максим!

– Он хочет обниматься!

– Да пошёл ты!

Она схватила кухонное полотенце и попыталась ударить его, но Максим увернулся, продолжая размахивать замороженным копытом. В этот момент по квартире раздался громкий звонок в дверь. Оба замерли. Максим посмотрел сначала на копыто в своей руке, потом на Вику.

– Опа, по ходу, хавчик привезли!

Максим бросил замороженное копыто обратно в морозилку, захлопнул дверцу холодильника и быстрым шагом направился к входной двери. На пороге стоял молодой курьер в фирменной куртке с большим бумажным пакетом в руках.

– Ну наконец-то, – недовольно бросил Максим. – Я уже думал, ты сам его готовил.

– Извините, просто...

– Да-да, пробки, дождь, магнитные бури. Всё, как всегда. – Максим, не дослушав, выхватил пакет. И захлопнул дверь прямо перед носом курьера.

Вернувшись на кухню, он поставил пакет на стол. Вика заглянула внутрь.

– И это всё?

– В смысле?

– Макс... Тут максимум на двоих.

– Не понял... – нахмурился он.

Максим быстро вытащил телефон, открыл заказ и несколько секунд молча смотрел на экран.

– Да он половину заказа не принёс!

Не говоря больше ни слова, он бросился к входной двери и рывком распахнул её. По ту сторону кто-то испуганно вскрикнул.

– Ай!

На площадке, потеряв равновесие, рухнула невысокая девушка. Из её рук вылетели пакеты. Один сразу порвался, и крупа, яблоки, сосиски и бутылки с молоком разлетелись кругом. Несколько картофелин, выпавших из другого пакета, весело запрыгали по ступеням.

– Да ты издеваешься?! – раздражённо выдохнул Максим.

Девушка торопливо поднялась на колени.

– Простите... Я...

– Смотреть надо, куда идёшь!

Она растерянно посмотрела на рассыпавшиеся продукты и поспешно начала их собирать.

– Я просто...

– Просто что? Под ноги лезешь.

– Извините... – девушка опустила глаза.

– Серая мышь какая-то... Носишься по лестнице так, будто одна здесь живёшь.

Она открыла рот, явно собираясь что-то сказать. Но слова так и не сложились. Она лишь молча потянулась за укатившейся бутылкой с молоком.

– Да ну тебя. – Максим раздражённо махнул рукой.

Перепрыгивая через ступеньки, он выбежал на улицу. Во дворе уже никого не было. Самокат службы доставки исчез за поворотом.

– Вот чёрт! – Со злостью ударив кулаком по входной двери подъезда, Максим развернулся и быстро поднялся обратно.

Девушка всё ещё сидела на лестнице, аккуратно складывая уцелевшие продукты в оставшийся пакет. Она старалась действовать быстро, но дрожащие руки плохо слушались.

– До сих пор копаешься...

Максим бросил на неё раздражённый взгляд. Проходя мимо, он носком кроссовка небрежно задел пакет, и несколько картофелин снова покатались вниз по ступеням.

– Замечательно...

Не оборачиваясь, он вошёл в квартиру и с силой захлопнул за собой дверь. За ней ещё некоторое время слышалось, как девушка копошилась на лестничной площадке.

Глава 2

Саша сидела перед закрытой дверью на коленях. По площадке всё ещё лениво катилось яблоко. Оно ударилось о перила, подпрыгнуло и наконец остановилось.

– Ну вот... – тихо вздохнула девушка.

Она подобрала его, машинально протёрла рукавом кофты и положила обратно в пакет. Рядом валялась упаковка сосисок. Чуть дальше – бутылка молока. Из порвавшегося пакета тонкой жёлтой струйкой сыпалась крупа, забиваясь в щели между ступенями. Саша виновато посмотрела на неё: «Эх... Надо было покрепче держать...» Она аккуратно собрала уцелевшие продукты. Подняла бутылку, проверила крышку. Не протекла – хорошо. Яблоки тоже почти все удалось найти. Только одно, кажется, куда-то скатилось на первый этаж.

– Ладно... Будем считать, что я его съела. – Она грустно улыбнулась самой себе. – Всё равно сама виновата... Нужно было ходить аккуратнее. Или проходить подальше от двери.

Саша тихо вздохнула. Она прекрасно понимала, что ни в чём не виновата. Но обижаться на людей ей никогда не нравилось. Да и толку?

Придерживая надорванный пакет снизу, она медленно поднялась ещё на один этаж. Девушка достала из кармана связку ключей и открыла дверь. Из квартиры сразу пахло жареным луком, стиральным порошком, старым деревом и чьим-то ужином. Длинный коридор коммуналки был заставлен всем, чем только можно. Возле одной двери стоял старый детский велосипед без переднего колеса. У стены громоздились коробки с инструментами. Чуть дальше сушилось бельё на верёвках, натянутых прямо под потолком. На тумбочке скучали несколько цветочных горшков, в которых из последних сил цеплялась за жизнь герань. Чьи-то резиновые сапоги соседствовали с дорогими женскими туфлями, а рядом стояла большая клетка, накрытая старым полотенцем. Из-под него сонно чирикнула птица.

Саша осторожно закрыла дверь, чтобы никого не разбудить. Сняла кроссовки, поставила их на самую нижнюю полку старого обувного шкафа и надела домашние тапочки.

Когда-то они были белыми. Теперь ткань слегка пожелтела от времени, а мягкая подошва совсем истончилась. Только маленький голубой зайчик на правом тапочке всё ещё улыбался. Его когда-то вышила мама. Саша машинально провела пальцем по чуть потёртым ниткам и невольно улыбнулась:

– Держись?.. – тихо сказала она зайчику.

Подхватив пакет, она зашагала дальше по коридору. Возле последней двери она остановилась. За ней было тихо. Саша осторожно поправила выбившуюся прядь волос, глубоко вдохнула, словно оставляя за порогом весь сегодняшний день, и только после этого тихонько нажала на ручку.

Комната, в которой жили Саша с матерью, была совсем небольшой. Когда-то её пытались сделать уютной. На окнах висели аккуратно подшитые занавески, на стене – несколько старых фотографий в деревянных рамках, а на комодѣ стояла выцветшая фарфоровая балерина с отколотой рукой. Но время постепенно забирало своё. Обои местами отклеились, краска на подоконнике потрескалась, а старый линолеум возле двери потёрся почти до основания.

Посередине комнату разделяла плотная, выцветшая занавеска. По обе стороны от неё стояло по узкой кровати. За занавеской тихо сопела мама.

После тяжёлой операции она так и не смогла полностью восстановиться. Врачи говорили осторожно, без лишних надежд: долгий курс лечения, дорогие лекарства, постоянный уход. Работать она больше не могла, и каждый поход до кухни уже считался маленькой победой.

Когда это случилось, Саша без долгих раздумий забрала документы из института. Она училась на бюджете и мечтала стать учителем младших классов. Иногда ей до сих пор снился шум школьных коридоров, запах новых учебников и первая практика. Теперь вместо лекций

были касса продуктового магазина, бесконечные ценники, коробки с товаром и ночные смены. Зарплаты едва хватало на коммунальные платежи, лекарства и самые простые продукты. О чём-то большем Саша давно перестала думать.

Она тихо поставила пакет на свою кровать. Матрас негромко скрипнул. Из-за занавески послышалось сонное: «Сашенька?..» Девушка сразу подошла к маминой кровати.

– Я здесь.

– Ты... когда вернулась? – Женщина приоткрыла глаза.

– Да давно уже.

– А поспать успела?

– Конечно. – Саша улыбнулась. Это была неправда.

– Проснулась ещё утром. Просто сходила в магазин, пока ты спала.

Мама внимательно посмотрела на дочь, будто пыталась понять, говорит ли та правду.

– Не загоняй себя... слышишь?

– Не буду.

– Тебе отдыхать надо...

– Обязательно.

– Спи. Я рядом. – Саша поправила матери одеяло.

Женщина едва заметно кивнула. Через минуту её дыхание снова стало ровным. Саша ещё немного посидела рядом, убеждаясь, что мама действительно уснула, затем взяла пакет с продуктами и тихо вышла в коридор.

Кухня находилась через одну комнату. Дверь была открыта. Как и в любой коммунальной квартире, это помещение давно перестало принадлежать кому-то одному.

Вдоль стен выстроились сразу несколько холодильников – больших и маленьких, новых и таких старых, что их эмаль пожелтела от времени. Возле каждого стояла своя табуретка, висело своё полотенце, лежала своя разделочная доска. На длинной общей столешнице теснились кастрюли, чайники, сковородки и кружки. Почти вся посуда была подписана маркером или помечена цветными наклейками. Под окном в ряд стояли три стиральные машины. Над ними сушились полотенца, детские колготки, рабочие фартуки и чьи-то мужские рубашки.

Кухня жила своей обычной жизнью. Тесной. Шумной. «Коммунальной».

Снизу доносились басы музыки. Через несколько секунд раздался громкий смех. Саша тревожно посмотрела в сторону двери: «Только бы маму не разбудили...»

Она подошла к самому старому холодильнику. Белая краска давно пожелтела, а дверца закрывалась только после лёгкого удара ладонью. Внутри продуктов было совсем немного. На верхней полке лежали несколько яиц, небольшой кусочек сливочного масла и банка домашнего варенья.

Саша аккуратно поставила рядом бутылку молока. Затем положила сосиски. Яблоки переложила в пластиковый контейнер без крышки. Закрывая холодильник, она задумалась: «Надо бы поискать ещё какую-нибудь работу. Может, получится устроиться куда-нибудь по вечерам... Или найти подработку на выходных. Тогда можно будет покупать маме лекарства не поштучно, а сразу на месяц. И, может быть... – она тяжело вздохнула, – хотя бы иногда проводить с ней время не между сменами».

– Саш?

Девушка вздрогнула и обернулась. В дверях кухни стоял Алексей. Он перевёл взгляд на её порванный пакет, затем на испачканный подол платья и остановился на сбитых коленях.

– Ты что... упала?

– А? Лёша... – смущённо прошептала Саша, поспешно опустив глаза. – Да... столкнулась с соседом снизу, когда он дверь открыл. Наверное, просто неудачно получилось...

– Не сильно ушиблась? – сказал он, нахмурившись.

– Да нет... всё нормально. – Саша отрицательно покачала головой.

– Точно?

– Угу.

Он ещё раз посмотрел на её испачканное платье, разбитые колени и порванный пакет.

– Может, хоть перекинь принести? Или пластырь?

– Не надо... Правда.

Наступила неловкая пауза. Алексей никогда не умел разговаривать с людьми. Особенно с Сашей. Каждый раз, когда она оказывалась рядом, все заранее придуманные фразы почему-то моментально исчезали из головы.

– А... это новые соседи? – наконец спросил он.

– Да. Сегодня въехали. – Саша кивнула.

– Там же раньше бабушка жила...

– Угу.

– Странная такая...

– Все говорили, что странная. – Саша ненадолго задумалась. – Только... мне она всегда казалась доброй.

– Мне тоже. – Лёша едва заметно улыбнулся.

Снизу вновь донёсся тяжёлый бас. Где-то этажом ниже громко рассмеялись. Саша невольно посмотрела на пол.

– Лишь бы маму не разбудили... – она сказала это совсем тихо. Скорее самой себе. – После операции она очень чутко спит.

Алексей тоже прислушался. Музыка действительно была слишком громкой.

– Мне ещё к экзамену готовиться... – поморщился он.

Несколько секунд они молча стояли друг напротив друга.

– Ладно... – тихо сказала Саша. – Извини... Мне пора.

Саша машинально поправила ручки порванного пакета и, не поднимая глаз, быстро прошмыгнула мимо Алексея.

– Спокойной ночи...

– И тебе...

Парень ещё долго смотрел ей вслед. Пока тихо не закрылась дверь её комнаты. Алексей остался на кухне один.

Он был самым обычным парнем, которого легко потерять в толпе. Среднего роста, худощавый, немного сутулый, с вечно растрёпанными волосами и очками, постоянно сползавшими на кончик носа. Зрение начало портиться ещё в старших классах, когда он буквально поселился за книгами, готовясь к поступлению, а в университете стало только хуже. Он учился на филолога-лингвиста и мог часами спорить о происхождении какого-нибудь слова или особенностях древнерусских текстов, но стоило разговору зайти о чём-то личном, как все мысли моментально испарялись.

Родом Алексей был из небольшого посёлка, затерявшегося где-то среди лесов. Поступить в университет оказалось намного проще, чем получить место в общежитии. Без «подарка» коменданту свободных комнат неожиданно не нашлось, поэтому почти все накопленные деньги ушли на аренду крохотной комнаты в старой коммуналке. Днём были пары, вечером – подработка, а ночью – учебники, словари и конспекты. Такой ритм давно стал для него привычным.

Наверное, именно поэтому Саша так сильно выделялась среди всех, кого он встречал. Она почти никогда не жаловалась, всегда была приветливой и удивительным образом находила силы улыбаться, хотя каждый день ей приходилось работать, ухаживать за больной матерью и думать о том, как растянуть очередную зарплату до конца месяца. Алексей не раз ловил себя на мысли, что рядом с ней собственные трудности начинают казаться какими-то несерьёзными.

Постояв ещё немного, он выключил свет на кухне и вышел в коридор. Его комната находилась в самом конце квартиры, через стену от комнаты Саши. Проходя мимо соседской двери, он невольно замедлил шаг. За ней уже вовсю разгорался семейный спор.

– Опять музыку врубили! Хотя бы совесть имели! – раздражённо произнесла женщина.

Мужчина что-то неразборчиво пробормотал в ответ.

– Что? Не расслышала!

– Может... кто-нибудь полицию вызовет...

– Конечно! Само всё решится! Ты бы ещё предложил до утра подождать!

Мужчина снова что-то тихо промямлил, а женщина лишь тяжело вздохнула:

– Господи... Ну и тюфяк...

Алексей невольно улыбнулся. Подобные перепалки были здесь такой же частью коммунальной жизни, как скрип половиц или очередь в ванную по утрам. Постояв ещё несколько секунд, он открыл дверь своей комнаты и тихо вошёл внутрь.

Его комната была самой маленькой во всей квартире. Скорее не комната, а бывшая кладовка, которую когда-то переделали под жильё. Узкое окно почти упиралось в соседний дом, поэтому даже днём здесь царил полумрак. Свет старой настольной лампы давно стал для Лёши привычнее солнечного. Из мебели в комнате помещалось только самое необходимое: узкая кровать, небольшой письменный стол, старый платяной шкаф и шаткий стул, который жалобно скрипел при каждом движении.

Всё остальное пространство давно захватили книги. Они были повсюду. На полках, прибитых почти под самым потолком. На подоконнике. Аккуратными стопками под кроватью. На шкафу, где уже не осталось места для одежды. Толстые словари соседствовали с потрёпанными сборниками былин, научные труды по языкознанию – с пожелтевшими книгами по истории славян, древними летописями, сборниками народных песен и сказок. Некоторые издания выглядели совсем новыми, другие, казалось, помнили ещё советские библиотеки, а пара книг вообще была переплетена вручную и пахла старой бумагой, клеем и временем.

Между книгами лежали раскрытые тетради, исписанные мелким аккуратным почерком, стопки карточек с незнакомыми словами, закладки из клочков туалетной бумаги и тонкие листы с выписками из словарей. На стене над столом висела большая карта славянских языков, испещрённая цветными пометками, а рядом – распечатанная схема родственных языковых групп с десятками приписок, понятных, пожалуй, только самому Алексею.

Он осторожно снял очки, устало потёр переносицу и опустился за стол. До экзамена оставалось совсем немного. Лёша открыл учебник, положил рядом конспект и попытался сосредоточиться.

«...Фонетические изменения праславянского периода...»

Он перечитал первую строчку. Снизу ударил тяжёлый бас. Следом раздался дружный смех. Лёша вздохнул и снова перевёл взгляд на страницу.

«...Ко второй группе...»

На этот раз снизу кто-то громко вскрикнул, после чего музыка стала ещё громче.

– Так... спокойно... – Он закрыл глаза.

Пальцы машинально постукивали по краю стола, пока он пытался вернуться к тексту, но очередной взрыв хохота окончательно сбил мысль. Лёша захлопнул учебник.

– Да что ж такое...

Он поднялся и несколько раз прошёлся по комнате. От двери до окна было всего четыре шага.

«Были бы наушники... Хорошие, большие, с шумоподавлением», – подумал он. Тогда можно было бы просто выключить весь этот мир и спокойно готовиться к экзамену. Снизу снова грохнула музыка.

Лёша поморщился. Порывшись в ящике стола, он нашёл немного ваты, скатал два небольших шарика и заткнул ими уши. Стало немного тише. Ровно на несколько секунд. Очередной бас прошёл через перекрытия, отдаваясь вибрацией в полу, а следом снова послышался громкий смех. Лёша обречённо вытащил вату, положил её на стол и тяжело вздохнул.

– Нет... Так я точно ничего не выучу...

Он ещё немного походил по комнате, пытаясь справиться с мыслями и проговаривая про себя, как именно стоит начать разговор с соседями, чтобы попросить убавить музыку. Ему это давалось тяжело: каждое заранее заготовленное слово звучало в голове неловко и неуверенно, и он уже почти решил, что пойдёт позже, когда в дверь тихо постучали. Лёша открыл её и на пороге увидел Сашу.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу. Платье уже сменила на простую домашнюю одежду, а на коленях белели свежие пластыри. Саша не смотрела на него, будто ей было неловко даже просто стоять здесь, и всё же тихо произнесла:

– Лёш... ты не мог бы... сходить со мной вниз? К соседям.

Она замялась и добавила почти шёпотом:

– Я сама не смогу. Мне страшно. – Она подняла взгляд лишь на секунду и тут же снова отвела его в сторону.

– Маме плохо становится, давление поднимается... ей нельзя сейчас нервничать.

Лёша на мгновение растерялся. Потом быстро заговорил, будто боялся, что его опередят:

– Да, я... я как раз собирался! Я уже думал идти! Просто... ну, не успел ещё!

Алексей говорил всё быстрее и быстрее, краснея от собственной торопливости и от того, что Саша пришла к нему первой. Внутри у него неприятно кольнуло: эта хрупкая, тихая девушка снова оказалась смелее его.

Он торопливо накинул лёгкую куртку, обулся и вышел вместе с ней в коридор. Когда они шли к входной двери, приоткрылась дверь соседской комнаты, и в проёме показался лысоватый мужчина в майке-алкоголичке.

– О, молодёжь пошла разбираться, – довольно протянул он им вслед. – Вот и правильно. Построже с ними.

Он обернулся вглубь комнаты:

– Я же говорил! Люди сами сходят, не надо никуда лезть! Молодые друг друга лучше поймут!

Изнутри тут же донёсся женский голос:

– Ты, тюфяк! Даже Сашка-тихоня и та пошла, а ты сидишь тут, как пень старый!

– Да я ж говорю, сейчас всё решится...

– Да ты всегда так говоришь!

Дверь резко захлопнулась, и дальнейшие слова потонули в глухом гуле квартиры. Лёша и Саша переглянулись и молча продолжили идти к выходу.

Они вышли из квартиры и спустились на нижний этаж.

Перед дверью Саша остановилась чуть в стороне, инстинктивно держась ближе к стене – будто всё ещё опасаясь, что её могут снова ударить открывшейся дверью. Алексей стоял ближе, но тоже не спешил нажимать на звонок. Он снова и снова прокручивал в голове фразы, которые собирался сказать, и от этого пальцы у него невольно сжимались в кулаки до побелевших костяшек.

За дверью гремела музыка. Смех перекатывался через стены, будто квартира была не просто жилым помещением, а какой-то шумной таверной. Лёша всё-таки решился и нажал на звонок. Ничего. Он нажал ещё раз. Снова тишина, которую тут же забил бас. Сзади тихо, почти неуверенно, сказала Саша:

– Может... не надо? Я маму просто укрою получше... ватой уши закрою...

Но Лёша уже почти ничего не слышал. Сердце билось так громко, что казалось – оно перекрывает и музыку, и голос. Он резко выдохнул и начал стучать. Сначала осторожно. Потом сильнее. Потом уже так, что дверь дрожала под ударами.

– Эй! Откройте!

После нескольких секунд дверь резко распахнулась. Перед ними появился человек, который явно решил, что он в центре собственной вечеринки. На нём была расстёгнутая рубашка с закатанными рукавами, будто он специально изображал из себя «хозяина жизни». Волосы расчёпаны, взгляд чуть пьяный от шума и алкоголя, на лице – раздражённая ухмылка человека, которого отвлекли от «очень важного отдыха». В одной руке он держал странную тряпичную маску с вышитыми славянскими узорами – явно часть какого-то дурацкого «антуража», во второй – стакан, в котором плескалось что-то тёмное.

Он театрально прищурился, оглядел Лёшу и Сашу и, будто объявляя сцену, громко протянул:

– Добро пожаловать в царство мёртвых! Где вас ждут разврат, алкоголь и прочие блага вневременной жизни!

На секунду повисла тишина. Даже музыка будто стала тише. Лёша и Саша переглянулись.

– Эм... – начал Лёша.

– А вы вообще кто? – Максим моргнул, словно только сейчас понял, что это не его «друзья по тусовке».

– Мы... мы сверху, – сказала Саша, сделав шаг назад.

Максим перевёл пьяный взгляд на неё.

– О, погоди-ка... – усмехнулся он. – Я тебя знаю. Это ты тогда под ногами путалась.

Саша сжала губы, но ничего не ответила. Максим смял маску и бросил её куда-то на тумбочку и раздражённо выдохнул:

– Чё вам надо-то?

Лёша сделал шаг вперёд. Сначала он хотел говорить спокойно. Вежливо. Как нормальный человек. Но вместо этого из него вырвалось слишком быстро, слишком нервно:

– У вас музыка слишком громкая! У нас там люди живут! Пожилые... больные... у нас экзамены... вы просто не можете так... – он запнулся, вдохнул и продолжил уже тише, но всё ещё напряжённо, – просто сделайте потише, пожалуйста.

Максим скривился, будто услышал что-то крайне неприятное.

– Ты кто вообще такой, очкарик? – лениво бросил он. – Тебя сюда кто звал?

– Я просто прошу... – вспыхнул Лёша.

– Ты не просишь, ты мне рассказываешь, как жить, – перебил Максим. – Не нравится – дверь там.

– Там мама больная... ей плохо становится от шума... – Саша попыталась вмешаться, голос её дрогнул.

– Ну так лечите маму, а не ко мне претензии. – Максим даже не дослушал. Он махнул рукой, будто отгоняя надоедливых людей. – Не устраивает – съезжайте.

– Макс, кто там вообще? – раздался голос Вики из глубины квартиры.

– Да недовольная челядь сверху! Жалуются, что мы им жить мешаем! – не оборачиваясь, крикнул он.

– Ну так пусть не живут тут, если не нравится, – хмыкнула Вика.

– Вот! – тут же подхватил Максим. – Я то же самое и сказал!

Где-то в глубине квартиры раздался ровный, тяжёлый звон. Часы. Но звук был странный – не просто ритмичный. Он будто «проваливался» между ударами, как если бы пространство на секунду запаздывало. Лёша замер. Глаза его чуть расширились. Музыка, раздражение, злость Максима – всё это резко ушло на второй план. Он даже не понял, когда перестал слышать людей.

– Часы... – тихо выдохнул он.

– Чего? – нахмурился Максим.

Но Лёша уже не смотрел на него. Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Максим инстинктивно сдвинулся в сторону, но Лёша, неожиданно для самого себя, мягко, почти механически, отодвинул его плечом и вошёл в квартиру.

– Эй! Ты вообще охренел?! – опешил Максим.

Но Лёша уже шёл внутрь, как будто его тянули за невидимую нить. Саша на секунду замерла на пороге. Потом тихо вдохнула – и шагнула следом. Максим, не найдя что сказать, последовал за незваными гостями, закрыв за собой дверь.

Лестничная площадка опустела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.